

Пишу об этом человеке не из тщеславного желания присоединиться и приобщиться, а потому, что злая, непоправимая весть вот уже месяц не дает мне покоя, то и дело вызывая перед глазами образ замечательного актера.

Андрей из 170-й

ЗАПИСКИ ОДНОКАШНИКА

ПЕРЕДО МНОЙ любительская фотокарточка, снятая, надо полагать, апрельским солнечным днем. Может, и сентябрьским, конечно, но кажется, что листва за школьным забором едва-едва проклюнулась, да и вообще в позах старшеклассников, улыбающихся в объектив, сквозит особое весеннее нетерпение. Прозвенел звонок на большую перемену, и они гурьбой, толкаясь и громко остря, выкатились во двор, наполненный сырм, беспокойным запахом городской весны. Судя по глухим кителям гимназического покроя и по сознательно заузданным брюкам, дело происходит в конце пятидесятых годов.

Впрочем, что это я впадаю в такой объективистский исследовательский тон, я ведь прекрасно знаю, во дворе какой школы сделан этот снимок, мне знакомы многие из запечатленных на нем ребят, а с тем, что стоит с краю, мы были в то время коротко дружны. В последние двадцать лет я так часто видел его лицо, отдельно и крупно поданное на киноафишах, на театральных стендах, на глянцевых конвертах грампластинок, что воспринимать его среди обычных юношеских лиц странно. Это Андрей Миронов, десятиклассник 170-й московской школы.

Итак, 170-я московская средняя школа. Ныне она существует под другим номером, но стоит на прежнем своем месте в глубине старого московского двора, выходящего сразу на три центральные московские улицы. Родители Андрея знаменитые артисты эстрады Мария Миронова и Александр Менакер жили как раз рядом, на Петровке, в доме тридцатых годов, вход в парадное был со двора, со стороны Рахмановского переулка. В этом самом что ни есть московском центре проживали в тесных довоенных кооперативах, в квартирах, переделанных из бывших конюшен и дворничих, а то и в классических коммуналках многие выдающиеся люди театра, музыки и литературы. Ничего удивительного и преднамеренного не было в том, что детей своих они отдавали в близлежащую 170-ю школу. Построенная в тридцать пятую году по тогдашнему типовому проекту, наша школа ни в прежнем, ни тем более в нынешнем понимании привилегированной не была. Вместе с детьми артистов в ней учились в подавляющем большинстве пацаны из проходных дворов, с Бахрушени, из Дмитровского и Кузнецкого, лихая послевоенная безотцовщина. И все же школа, несомненно, слыла престижной, хотя к современному смыслу этого слова та ее престижность не имеет ни малейшего отношения. Заклучалась же она в особой атмосфере художественных интересов и разнообразного творчества, которая то ли сама собой, силой обстоятельств, сложилась в этих стенах, то ли особо и осознанно возделывалась преподавателями. Сценическим искушением, к примеру, были подвержены все поколения, едва ли не в каждом классе что-то такое сочинялось, ставилось, разыгрывалось, изображалось. Это было, так сказать, нормой здешней духовной жизни.

Много раз ловил себя на мысли, что, побывав за свою газетную жизнь на всякого рода торжествах и празднествах, десятки шумных премьер посетив и на кое-какие приемы удостоившись приглашения, отголоски истинного волнения, душевной счастливой смуты испытываю лишь при воспоминаниях о наших школьных вечерах. Ну ладно, относил это за счет особых свойств натуры. Но вот сидим, вспоминаем об Андрее Миронове с лучшими его школьными друзьями, и они, Александр Ушаков и Лев Маковский, люди ученые и солидные, вдруг признаются в том, что никогда, пожалуй, полнота жизни не ощущалась ими с таким праздничным волнением, как в те годы. Да чего уж там, сам Андрей, отмеченный всеми возможными знаками славы и популярности, в беседах с интервьюерами непременно упоминал школу и самого первого своего режиссера, классного руководителя Надежду Георгиевну Панфилову.

Он ходил в школу по Петровке и, поскольку проход со стороны этой улицы к нам во двор постоянно заделывали, сворачивал на улицу Москвина, затем напротив филиала МХАТа вступал в длинный и узкий промежуток между домами, ведущий прямо к школьным дверям. А после уроков вместе с приятелями чаще всего подымался на Пушкинскую, начинались упительные шатания по Москве, прощания, провожания, сначала тебя, потом меня, потом снова тебя, глазения по сторонам, остроты, импровизации, планы, прожекты, «взрослые» разговоры.

Разумеется, от упоминания одних лишь имен тех людей, с какими Андрей встречался в собственном доме, у нас кругом шла голова, но поверьте, уже тогда не мальчишеское понятное тщеславие звучало в его словах, а естественная причастность к деятельности, к которой он себя готовил. Думаю, что происхождение не облегчило Миронову путь в искусство, а скорее, даже затруднило его, он ведь не «сыном» собирался стать, а самостоятельной, неповторимой личностью, с каким же невидимым миру упорством надо было воспитывать и возделывать свои способности, постоянно, каждый день, буквально в быту, в кругу домашних друзей имея перед собой образцы мастерства,

вкуса, музыкальности, насмешливого, непотчи- тельного ума.

А способности, конечно, не давали о себе забыть. Впрочем, поначалу им не придавали особого значения, в самом деле, на то он и сын Мироновой и Менакера! Кому еще шутить, спастись от праведного учительского гнева с помощью иронического «светского» лукавства, с артистическим щегольством носить неприменный и строго обязательный в те годы глухой китель сизого цвета? Природная потомственная одаренность Андрея сказывалась более всего в неумении жить просто так, ничего не представляя, не придумывая, не фантазируя, не прикидывая на себя, словно отцовский плащ, тот или иной образ, ту или иную маску, стихийная жажда преобразовать мир сказывалась то в розыгрышах, то в уморительных «показах», то в сочинении стихов, то в пении на манер полупрошарпанного тогда и тайно обожаемого Армстронга. «О Сан-Луи!»

Обращаясь к истокам таланта, нельзя забывать о времени. Бытовало некогда романтическое выражение «юность совпала с юностью века». По отношению к нам оно вполне применимо.

Вдруг необычайно, счастливо интересной сделалась жизнь! Все ее благие перемены улавливались нами моментально. Выпускники Школы-студии МХАТа под руководством актера Центрального детского Олега Ефремова поставили, по слухам, потрясающий спектакль — надо прорваться, тем более что играют его в филиале МХАТа, который, как вы помните, в двух шагах от нашей школы. В ЦДР, который тоже неподалеку, — вернисаж никому не известного и, говорят, гонимого художника Ильи Глазунова, убегаем с уроков, чтобы в который раз потолкаться на выставке, послушать споры, ощутить себя свободомыслящими «новыми» людьми. В Литературном музее на Якиманке — первый в жизни нашего поколения официальный вечер памяти Сергея Есенина! Слово «джаз» перестало быть ругательным, кто собственными глазами видел его на афише — фантастика! В Театре-студии киноактера Эрастом Гариным возобновлен «Мандат». Андрей достает билеты, по дороге рассказывает нам об Эрмлане и Мейерхольде — сведения из первых рук, все из того же семейного круга. На один из первых спектаклей невиданного тогда ледового балета венского «Айс-ревю» меня тоже повел Миронов, помню, как он держался в переполненном «всею Москвой» шумном фойе — не школьником, допущенным на взрослое представление, а настоящим театральным завсегдатаем, ценителем, знатоком. Жерар Филипп приезжает в Москву на открытие французской кинонедели и попутно «открывает» еще футбольный матч между национальными сборными СССР и Франции, для нас это событие почти личного свойства, ведь все мы болельщики, столь же безудержные, как и кинозрители, к тому же неутомимые игроки, каждый выезд на природу, в колхоз, на субботник завершается футбольным матчем. Андрей всегда на воротах, это его законное «амплуа», избранное наверняка на без эстетического учета, бросается он, выражаясь по-дворовому, «рыпается», чересчур картинно.

И наконец — фестиваль молодежи и студентов 1957 года, главное событие нашей юности. В его преддверии по стране прокатывается волна местных смотров, конкурсов и прочих праздников, тоже называемых фестивалями. Вот и в школе мы по собственной инициативе провели свой фестиваль — действо до тех пор да и с тех пор, наверное, в школе небывалое. Все утро во дворе бушевали спортивные страсти, эстафеты и матчи сопровождался репортажем по только что оборудованному радиопу, а вечером, естественно, состоялся бал, гвоздем которого было юмористическое представление, на наш взгляд, не хуже «капустника» в ВТО. Вместе с Мироновым мы придумали эстрадный номер на тему о том, как школьники разных стран сдают экзамены. Комический эффект достигался абракадаброй, имитирующей английскую, французскую и немецкую речь, а также мимическим изображением национальных характеров в нашем тогдашнем понимании. Сомневаюсь, что было оно очень точным, но, видимо, отвечало каким-то общим представлениям, а главное, тому желанию открытости, всемирности, осведомленности, какое чувствовалось тогда в воздухе. Товарищи хохотали от души и хлопали нам неистово.

Началась самостоятельная известность, послужившая Андрею как бы прологом для его взрослой повсеместной известности. Нас приглашали выступать на всяких утренниках, сборах и вечерах. Андрей относился к этому с серьезностью потомственного профессионала, отмечал наши просчеты и нюансы в реакции публики, запросто употреблял пряные, не до конца понятные мне актерские словечки, от которых в груди разливалось самолюбивое тепло. Успех между тем нарастал. Высшей точки он достиг во время общемосковского концерта, который состоялся на сцене Центрального детского театра. Помню, что к выходу мы готовились в актерской уборной, на двери которой было написано «О. Ефремов». Муза эксцентрики, иронии парадокса, под знаком которой Андрей родился, несомненно,

нам покровительствовала. Нас вызывали, мы кланялись. Теперь, спустя тридцать лет, мне кажется, что уже тогда в глазах Андрея про- скальзывала та насмешливая по отношению к самому себе застенчивость, с которой он по- том выходил на аплодисменты.

На утро наш триумф отметила пресса — «Учительская газета» посвятила ему трехстроч- ную заметку. Это было самое первое упомина- ние Андрея Миронова в печати.

...Соученики, разумеется, не сомневались в том, что Андрею Миронову суждена славная стезя. Однако того, что любовь ему предстоит поистине всенародная, откровенно говоря, не предвидели.

Теперь горжусь тем, что двадцать пять лет назад, сидя на выпускном спектакле Щукин- ского училища — это была «Тень» Евгения Шварца, Андрей играл Цезаря Борджиа, — я отчетливо понял: передо мной артист. Не дав- нишний приятель, герой любительских концер- тов, не просто сын собственных родителей, безотчетно артистичный в каждом движении, но именно артист. Молодой, начинающий, но уже прошедший хорошую школу, тщательно ограничивший свою одаренность приемами бла- городной техники и высокого мастерства. Сна- чала это возрастающее — от работы к работе — мастерство более всего и изумляло, казалось несовместимым с молодостью артиста, репута- ция тончайшего стилиста, романтического вир- туоза, мастера на все руки прочно утверди- лась за Мироновым.

Опять же со всей самонадеянностью давне- го знакомства горжусь, что очень рано заме- тил искреннейшую лирическую, исповедальную основу его дарования. Потом-то ее все замети- ли. Вообще считаю, что элегическая тема уси- ливалась в творчестве Андрея Миронова, нет, он по-прежнему совершенствовал свое снайпер- ское актерское остроумие, в стихии сатириче- ских эскапад и гротеска испытывал несомнен- ное наслаждение, которое тотчас же передава- лось зрителям, однако душа росла и не умеща- лась в блестящих пределах достигнутого и ос- военного. Точно так же, как и в пределах все- союзной его славы.

Не знаю другого человека, который бы нес ее бремя с таким достоинством и тактом, как Андрей Миронов. Он ее вроде бы стеснялся, относился к ней юмористически, как будто бы хотел отделаться, встать от нее поодаль, она сама по себе, а он сам по себе. Однажды поздним вечером — дело было сразу после вы- хода на экраны многосерийных «Двенадцати стульев» — он провожал меня из своего дома до такси. Ехать было далеко. Везти на окраину таксисты по своему обыкновению отказыва- лись. Так вот я еле уговорил Миронова лично заглянуть в машину, самый привередливый «мастер» не смог отказать несравненному Оста- пу Бендеру.

Популярность, слава артиста — это его нор- мальное имущество, честно заработанное им достояние. Однако эксплуатировать его Андрей Миронов не любил, для этого он был слишком умен и хорошо воспитан. Он был по-настояще- му интеллигентен в соответствии со своим происхождением, с местом рождения в самом центре Москвы, в согласии с замечательными ролями, которые сыграл, и хочу верить, что и с той традицией, в какой воспитывала нас наша сто семидесятая средняя школа.

Несколько лет назад, во время телевизион- ной встречи со зрителями, Андрея Миронова спросили, чего бы он пожелал своим поклон- никам. Полагаю, что вопрос подразумевал — «чувства юмора», «веселья», «умения посме- яться над собой», словом, чего-то в подобном же роде. Чего еще ждуть от веселого кумира, любимца публики? «Я желаю вам быть поряд- очными людьми», — ответил артист. Время на дворе было, как теперь говорят, самое что ни на есть застойное, и подобные слова прозвуча- ли как минимум неожиданно. Но в том-то и дело, что пожелание это было внутренней заповедью, которую он оправдывал и творче- ством, и жизнью.

В последний раз одноклассники видели Анд- рея Миронова прошедшей зимой на похоронах бывшей классной руководительницы Надежды Георгиевны.

«Актеры говорят, что Миронов наиграл- ся, — пишет нам в редакцию читательница, — но, мы-то, зрители, на него не насмотрелись...»

Если бы вы знали, как больно цитировать эти умные строки.

Ан. МАКАРОВ.
Фото Г. Дяконова.